

ДЖЕК
КЕТЧАМ

ДЕВУШКА

— ПО —

СОСЕДСТВУ

Вселенная Стивена Кинга

Джек Кетчам

Девушка по соседству

«Издательство АСТ»

1989

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кетчам Д.

Девушка по соседству / Д. Кетчам — «Издательство АСТ»,
1989 — (Вселенная Стивена Кинга)

ISBN 978-5-17-121274-2

Сонный пригород. Тенистые улицы, ухоженные газоны, уютные дома. Прямо-таки рай для любого подростка. Только не для Мег и не для ее сестры-калеки Сьюзан. В самом конце улицы, в сыром и темном подвале семьи Чандлер, они – беспомощные пленники своей опекуни, забравшей их после гибели родителей. Мать-одиночка Рут Чандлер медленно сползает в безумие, опутывающее жадными щупальцами и ее сыновей, и всю округу. Лишь один мальчишка решается противостоять жестокости Рут. И от его взвешенного, по-настоящему взрослого решения зависит не только жизнь девочек...

«Девушка по соседству», основанная на реальном жестоком убийстве подростка из Индианы, вышла в 1989 году. До этого об убийстве Сильвии Лайкенс разными писателями уже было написано 3 романа, но именно эта книга произвела глубокое впечатление, значительно увеличив читательскую аудиторию Джека Кетчама. История бытового насилия в маленьком городке была экранизирована дважды, причем в фильмах сыграли такие известные актеры, как Эллен Пейдж, Уильям Атертон, Кэтрин Кинер, Джеймс Франко.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-121274-2

© Кетчам Д., 1989

© Издательство АСТ, 1989

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Джек Кетчам

Девушка по соседству

*Скажи мне, бравый капитан,
Ведь должен ты знать ответ, —
Почему Зло царит и ангелы спят,
Когда дьявол включает свой свет?..*
Том Уэйтс

*Нет, не хотелось никогда услышать мне
Крик юной девушки в чужом тяжелом сне.
Ска-группа*
The Specials

Душа под тяжестью греха летать не может.
Айрис Мердок, «Единорог»

Глава первая

Вам кажется, что вы знаете, что такое боль?

Поговорите с моей второй женой. Она точно знает. Или думает, что знает.

Она говорит, что однажды, когда ей было девятнадцать или двадцать, она оказалась между дерущимися котами – ее собственным и соседским, – и один из них прыгнул на нее, взлетел по ней, как по дереву, располозовав ей бедра, грудь и живот, да так, что следы остались по сей день, изранив ее так серьезно, что она упала спиной на старинный сервант своей матери «Хузер», разбив ее лучшее керамическое блюдо для пирога и содрав шесть дюймов кожи со своих ребер, а кот снова бросился на нее, пуская в ход когти и клыки и шипя от ярости. Помнится, она говорила, что ей наложили тридцать шесть швов. А горячка от воспаления держалась несколько дней.

Моя вторая жена говорит, что это и есть боль.

Да ни черта она не знает, эта женщина.

* * *

Эвелин, моя первая жена, пожалуй, подошла к этому знанию ближе.

Вот картина, постоянно преследующая ее.

Она едет по скользкому от дождя шоссе жарким летним утром на арендованном «Вольво», ее любовник сидит рядом, машину она ведет медленно и осторожно, потому что знает, каким вероломным может быть только что выпавший дождь на горячем асфальте, и тут «Фольксваген» обходит ее и юзом влетает на ее полосу. Его задний бампер с номерами *Live Free or Die*¹ вскользь целует ее радиатор. Почти нежно. Остальное довершает дождь. «Вольво» тормозит, его заносит, он, скользя, несется на насыпь, и внезапно она вместе с любовником кувыркается в воздухе, в невесомости, и верх становится низом, а потом снова верхом. В какой-то момент рулевое колесо ломает ей плечо. И тут же зеркало заднего вида переламывает ей запястье.

Потом кувырки прекращаются, и она видит педаль газа над головой. Она пытается найти взглядом любовника, но его в машине уже нет, он исчез, испарился как по волшебству. Она нащупывает дверцу на стороне водителя, открывает ее, выползает на мокрую траву, встает на ноги и смотрит сквозь дождь. И видит картину, которая с этого момента будет преследовать ее всю жизнь – человек, похожий на кровавый мешок, освежеванный, с заживо содранной кожей, лежащий перед машиной в осколках стекла, забрызганного красным.

Этот кровавый мешок – ее любовник.

И потому она ближе к пониманию боли.

Даже изо всех сил блокируя то, что знает. Даже если ей удастся спать по ночам.

Она знает, что боль – это не просто отклик на раны или жалобы ее собственного перепуганного тела на искореженную плоть.

Боль может работать внутрь – приходя извне.

Я имею в виду, что иногда то, что ты видишь, – это боль. Боль в самом жестоком, самом чистом виде. Когда ни таблетки, ни сон, ни даже шок или кома не могут эту боль притупить.

Ты видишь ее, ты вбираешь ее в себя. И тогда она – это ты.

¹ «Живи свободным или умри» – девиз штата Нью-Гэмпшир (здесь и далее примечания переводчика).

Ты становишься носителем длинного белого червя, который грызет тебя и пожирает, заполняя твои внутренности, пока, наконец, однажды утром ты кашляешь, и тут выползает слепая белая голова этого нечто, высовываясь из твоего рта, как второй язык.

Нет, мои жены не знают этого. А если знают, то не вполне. Хотя Эвелин подошла близко. Но я – *знаю*.

Для начала вам придется поверить мне.

Потому что я знаю это с давних-давних пор.

* * *

Я пытаюсь удерживать в памяти то, что все мы были детьми, когда все это случилось, просто детьми, едва вылезшими из наших ентовых шапок а-ля Дэви Крокет, толком не сформировавшиеся, бог ты мой... Трудно поверить, что то, чем я стал ныне, – это прежний я, только спрятавшийся и переодевшийся. Дети имеют право на второй шанс. Хотелось бы мне думать, что сейчас я использую свой.

Даже после двух разводов, неприятных разводов, червь будет неспешно глотать тебя.

И еще я хочу напомнить, что это были пятидесятые, время странных репрессий, секретов, истерии. Я думаю о Джо Маккарти, хотя с трудом припоминаю, думал ли я о нем вообще в то время; разве что пытался понять, что заставляло моего отца так спешить домой с работы каждый день, чтобы успеть к трансляции заседаний Комиссии² по ТВ. Я думаю о холодной войне. Об учениях на случай воздушных налетов в школьном подвале и о фильмах ядерных испытаний, которые нам показывали – разрывающиеся на части манекены из универмагов, и части эти разлетались по макетам гостиных, сгорая на лету. О номерах «Плейбоя» и *Man's Action*³, завернутых в вощеную бумагу и спрятанных у ручья (со временем они плесневели так, что к ним противно было прикасаться). Я думаю об Элвисе, которого разоблачал преподобный Дайц в лютеранской церкви Благодати, когда мне было десять, а на шоу Алана Фрида в Парамант происходили рок-н-рольные баталии.

Я пытаюсь убедить себя, что в те годы вызревало нечто странное, какой-то великий американский нарыв, готовый лопнуть в любую секунду. И что это происходило повсюду, не только в доме Рут, но *повсеместно*.

Иногда от этого становится легче смотреть.

На то, что мы делали.

* * *

Сейчас мне сорок один. А родился я в 1946-м, через семнадцать месяцев после того, как мы сбросили бомбу на Хиросиму.

Матиссу только что исполнилось восемьдесят.

Я зарабатываю сто пятьдесят тысяч в год, тружусь на Уолл-стрит. За плечами два брака, детей нет. У меня дом в Рае и квартира в городе, предоставленная моей компанией. Если я куда-то еду, то чаще всего на лимузинах, хотя в Рае сажусь за руль своего синего «Мерседеса».

Может статься, что вскоре я снова женюсь. Женщина, которую я люблю, понятия не имеет о том, что я здесь пишу, – как и прочие мои жены, – и я не знаю, соберусь ли когда-либо рассказать ей все. Да и зачем? Я успешный, уравновешенный, щедрый, заботливый и внимательный любовник.

² Речь о сенатской комиссии по расследованию антиамериканской деятельности и о ее главе, сенаторе Джозефе Маккарти, чья деятельность (печально известная «охота на ведьм») пришлась на 1950-е годы.

³ «Дела мужские» – журнал комиксов с весьма жестокими историями.

И всё в моей жизни пошло наперекосяк с лета 1958-го, когда Рут, Донни, Вилли и все остальные познакомились с Мег Лафлин и ее сестрой Сьюзан.

Глава вторая

Я был один у ручья, лежал на животе поперек Большого Камня с жестяной банкой в руке. Я вычерпывал раков. Два рака уже копошились в большой банке, стоявшей рядом со мной. Малыши. Я охотился за их мамашей.

Ручей струился по обе стороны от меня. Я чувствовал брызги на моих голых ступнях, свисавших над потоком. Вода была холодной, солнце – теплым.

Я услышал шевеление в кустах и поднял голову. Самая красивая девочка из всех виденных мною улыбалась мне с насыпи: длинные загорелые ноги, длинные рыжие волосы, завязанные сзади в хвост, шорты и выцветшая блуза с распахнутым воротником. Мне было двенадцать с половиной. Она была старше.

Помнится, я улыбнулся в ответ, хотя редко проявлял дружелюбие по отношению к незнакомцам.

– Раки, – сказал я и вытряхнул воду из банки.

– Серьезно?

Я кивнул.

– И крупные?

– Эти? Нет. Но бывают и крупные.

– А можно посмотреть?

Она скатилась с насыпи, как это делают пацаны, не так, чтобы сначала присесть, а просто – оперевшись левой ладонью на землю и сразу же – трехфутный прыжок на первый большой камень в линии камней, зигзагом рассыпанных на воде. Она изучала эту линию не дольше секунды и быстро перебралась на Камень. Я был поражен. Она ничуть не колебалась и идеально держала равновесие. Я подвинулся, давая ей место. И вот внезапно рядом со мной – облако чудесного запаха, аромат чистого тела.

У нее были зеленые глаза. Она осмотрелась вокруг.

В те времена для всех нас Камень был чем-то особенным. Он лежал ровно посередине самой глубокой части ручья. Чистая и быстрая вода обтекала его с двух сторон. Если сидеть, на нем помещалось четверо пацанов, если стоять – шестеро. Камень был и пиратским кораблем, и «Наутилусом» капитана Немо, и каноэ для ленни-ленапе⁴, и чем угодно еще. Сегодня вода поднялась на три с половиной фута. Похоже было, что девочке радостно здесь – она не выказывала ни капли страха.

– Мы называем его Большой Камень, – сказал я. – В смысле, раньше называли. Когда еще были детьми.

– Мне нравится, – сказала она. – Так можно посмотреть на раков? Я Мег.

– Я Дэвид. Конечно, можно.

Она заглянула внутрь банки. Шло время, а мы не произносили ни слова. Она внимательно изучала раков. Потом снова выпрямилась.

– Здорово.

– Я просто ловлю их, рассматриваю, а потом отпускаю.

– А они кусаются?

– Большие кусаются. Но поранить не могут. А маленькие просто стараются удрать.

– Они на омаров похожи.

– Ты никогда раньше не видела раков?

– Не думаю, что они водятся в Нью-Йорке. – Она рассмеялась. Я не обиделся. – Вот омары у нас были. *Они* могут поранить всерьез.

⁴ Они же делавары, индейцы в США и Канаде.

– А дома держать их можно? В смысле, как питомца, домашнего?

Она снова рассмеялась.

– Нет. Их едят.

– Раков тоже держать нельзя. Умирают. Живут день-два от силы. Я слышал, их тоже едят.

– Серьезно?

– Да. Кое-кто ест. В Луизиане или во Флориде. Где-то там.

Мы заглянули в банку.

– Ну не знаю, – сказала она, улыбаясь. – Тут и есть-то нечего.

– Давай поймаем больших.

Мы лежали поперек Камня рядом друг с другом. Я взял банку и погрузил обе руки в поток. Фокус был в том, чтобы переворачивать булыжники на дне по одному, медленно, чтобы не замутило воду, и держать банку наготове для того, кто выскочит из-под камня. Вода была настолько глубокой, что мне пришлось закатать рукава рубашки до самых плеч. Я понимал, какими длинными и тощими казались ей мои руки. Мне они казались именно такими.

Рядом с ней я испытывал странное чувство. Неловкость, но и волнение. Она отличалась от всех других девчонок, которых я знал, от Дениз или Шерил из нашего квартала, и даже от девочек в школе. Во-первых, она была раз в сто красивее. На мой взгляд, даже красивее Натали Вуд. И, наверное, она была умнее девчонок, которых я знал. Более искушенная. В конце концов, она жила в Нью-Йорке и ела *омаров*. И двигалась как мальчишка. Сильное крепкое тело и естественная грация.

Из-за всего этого я нервничал – и упустил первого. Рак не был огромным, но побольше тех, что ворочались в банке. Он тут же, быстро шевеля задом, рванул под Камень.

Она спросила, можно ли ей попробовать. Я протянул ей банку.

– Нью-Йорк Сити, а?

– Ага.

Она закатала рукава и опустила руки в воду. Тогда-то я и заметил шрам.

– Боже. Что это?

Шрам начинался в ложбинке сгиба левой руки и тянулся до самого запястья, как длинный извилистый червяк. Она заметила, что я смотрю на ее руку.

– Авария, – сказала она. – Мы были в машине.

И опять повернулась к воде, где медленно колебалось ее отражение.

– О боже.

Но она, похоже, не хотела продолжать этот разговор.

– У тебя и другие есть?

Не знаю, почему шрамы всегда привлекают мальчишек, но это правда. Простой жизненный факт, и я ничего не мог с этим поделать. Не мог заткнуться. Даже зная, что она ждала этого от меня, ведь мы только что познакомились. Я наблюдал, как она переворачивает камень на дне. Под ним ничего не оказалось. Но она все сделала правильно: воду ничуть не замутила. Я подумал: а ведь Мег великолепна!

Она пожала плечами.

– Есть еще несколько. Но этот самый большой.

– А можно мне их увидеть?

– Нет. Пожалуй, что нет.

Она рассмеялась и посмотрела на меня так, что я понял намек. И заткнулся. На какое-то время.

Она перевернула еще один булыжник. Ничего.

– Наверное, серьезная была? В смысле, авария?

Она не стала отвечать, и я не винил ее. Я знал, насколько глупо и нелепо, насколько бестактно было то, что я сказал. Я понял это сразу, как только задал свой вопрос. Я покраснел и был рад, что она не смотрит в мою сторону.

И тут она поймала одного.

Булыжник перевернулся, и рак рванул задом прямо в банку. Ей оставалось лишь вынуть банку из воды.

Она отлила немного воды и повернула банку к солнечному свету. Было видно, какой у рака красивый золотистый цвет. Наш пленник задрал хвост, поднял клешни и начал красться по дну банки в поисках вероятного противника.

– Ты его поймала!

– С первой попытки!

– Класс! Он просто классный!

– Давай посадим его к остальным.

Она отливала воду медленно, чтобы не потревожить и не потерять добычу, именно так, как это надо делать, хотя никто ее этому не учил, и, когда в банке оставалось около дюйма воды, она резко выплеснула содержимое в большую банку. Два рачка, которые уже были в ней, тут же отскочили подальше от нового гостя. И правильно сделали, потому что раки иногда убивают сородичей, а эти двое были еще крохами.

Через некоторое время новичок успокоился, и мы сидели, наблюдая за ним. Он казался доисторическим созданием, ловким, беспощадным и прекрасным. Очень красивого цвета – и весьма изящного дизайна.

Я сунул палец в банку, чтобы снова его расшевелить.

– Не надо.

Ее ладонь была на моей руке. Мягкая и прохладная.

Я вынул палец из банки.

Я предложил ей пластинку жвачки и взял одну для себя. Потом на какое-то время единственными отчетливыми звуками были шум ветра, свистящего по прибрежной траве, шуршание кустарника, журчание ручья, набравшего сил после ночного дождя, и наше плямканье – мы жевали резинку.

– Ты ведь выпустишь их? Обещаешь?

– Конечно. Я так всегда и делаю.

Она вздохнула и встала на ноги.

– Мне, пожалуй, нужно возвращаться. Нам еще идти за покупками. Но прежде я хотела осмотреться. Понимаешь, у нас ведь не было лесов. Спасибо, Дэвид. Было здорово.

Она прошла уже половину камней, когда я догадался спросить ее:

– Эй! Возвращаться *куда*? Куда ты идешь?

Она улыбнулась:

– Мы живем с Чандлерами. Сьюзан и я. Сьюзан – моя сестра.

Тогда я тоже вскочил на ноги, словно кто-то дернул меня за невидимые нити.

– Чандлеры? *Рут*? Мама Донни и Вилли?

Она уже была на берегу, но повернулась и посмотрела на меня. И что-то в ее лице внезапно изменилось, оно стало другим. Осторожным.

Это заставило меня замереть на месте.

– Верно. Мы же кузены. Троюродные. А я, получается, племянница Рут.

И голос ее звучал как-то странно... тускло – словно речь шла о чем-то, чего мне не полагось знать. Как будто она говорила мне что-то – и в то же самое время что-то скрывала.

Это сбilo меня с толку. Кажется, она тоже смутилась.

Первый раз я видел ее растерявшейся. Такого не было даже тогда, когда мы говорили о шраме.

Но это меня не встревожило.

Потому что дом Чандлеров стоял рядышком с нашим.

А Рут была... Да, Рут была классной. Даже если ее дети и бывали иногда идиотами. Рут была классной.

– Эй! – крикнул я. – Так мы соседи! Мой дом коричневый, рядом с вашим!

Я смотрел, как она взбирается по насыпи. Поднявшись наверх, она повернулась, и на ее лице снова сияла улыбка, и взгляд ее был откровенным, как тогда, когда она сидела рядом со мной на Камне.

Она помахала рукой:

– До встречи, Дэвид.

– До встречи, Мег.

Круто, подумал я. Невероятно. Я смогу видеться с ней в любое время.

* * *

Такая мысль появилась у меня впервые.

Теперь я это осознаю.

В тот день, на том Камне, я лоб в лоб столкнулся со своим созреванием в лице Меган Лафлин, незнакомки, которая была на два года старше меня, у которой была сестра, тайна и длинные рыжие волосы. То, что мне это казалось естественным, то, что я ничуть не был потрясен и даже был счастлив, многое говорит о моих будущих возможностях – и о ее возможностях тоже.

И когда я думаю об этом, я ненавижу Рут Чандлер.

* * *

Рут, в те годы ты была великолепна.

Я много раз думал о тебе – нет, я изучал тебя, я глубоко зарылся в твое прошлое, однажды я припарковался через улицу от того офиса на Говард-авеню, о котором ты постоянно нам рассказывала, где ты всем заправляла, пока Мальчики были далеко, сражаясь на Большой Войне, чтобы Покончить со Всеми Войнами – этот офис, где ты была чрезвычайно, абсолютно незаменима до тех пор, пока «эти солдатики-тоишотики не поперлись обратно домой», как ты любила говорить, и внезапно ты осталась без работы. Я припарковался там, и офисное здание выглядело зауратно, Рут. Оно было убогим, печальным и скучным.

Я ездил в Морристаун, где ты родилась, и он тоже оказался обычным ничем. Конечно, я не знал, где именно стоял твой дом, но я не смог понять, как твои несбывшиеся грандиозные мечты родились здесь, в этом городе, не смог увидеть те богатства, которыми твои родители якобы осыпали тебя с головы до ног, я не смог увидеть источника твоей яростной безысходности.

Я сидел в баре твоего мужа, Вилли-старшего, – да! – Я нашел его, Рут! В Форт-Майерсе, во Флориде, где он и пребывал с тех пор, как бросил тебя тридцать лет назад с тремя визжащими твоими отпрысками, с ипотекой, и я нашел его – бармен, обслуживающий пенсионеров, кроткий мужчина, дружелюбный, переживающий не лучшие дни, – и я сидел там и смотрел на его лицо и в его глаза, и мы тихо-мирно беседовали, и я не смог увидеть того мужчину, которого ты всегда называла «жеребцом, смазливый ирландский ублюдок», иными словами, сукиным сыном. Я видел лишь нерешительного пожилого человека. Нос пьяницы, брюшко пьяницы, отвисший зад в мешковатых брюках. Похоже, он никогда не был суровым или жестоким, Рут. В самом деле, это была неожиданность.

Словно жестокость проживала где-то совсем в другом месте.

* * *

Так что это было, Рут? Сплошная ложь? Твои собственные выдумки?

Не сказал бы, что ты на это неспособна.

А может, было так, что для тебя – пройдя через тебя – и ложь, и правда становились одним и тем же.

* * *

Я попробую изменить это сейчас, если смогу. Я собираюсь рассказать нашу небольшую историю. Прямо, насколько сумею, отсюда и до конца, последовательно и без остановок.

И я пишу все это для тебя, Рут. Потому что до сих пор не мог расплатиться с тобой.

Так вот тебе мой чек. Давно просроченный и превышающий кредитный лимит.

Обналичишь его в аду.

Глава третья

Ранним утром следующего дня я отправился в соседний дом.

Я, помнится, чувствовал робость и неловкость, что было довольно странно, ибо что могло быть более естественным, чем пойти и посмотреть, как там дела.

Утро. Летний день. И все то, что ты делал всегда: просыпался, завтракал и шел на улицу, чтобы посмотреть, кто, что и где.

Обычным местом для старта был дом Чандлеров.

* * *

Лорел-авеню в те годы была тупиковой улицей – сейчас уже нет, – одинокой узкой просекой в полукруге леса, граничившего с южной окраиной Вест Мейпл, и уходившей назад примерно в миле от этой границы. Когда в начале 1800-х здесь стали прорубать дорогу, лес был очень густым – настоящие девственные заросли, и просеку называли Темной Дорогой. Сейчас-то леса уже нет, но улица до сих пор симпатичная и спокойная. Повсюду тенистые деревья, дома не похожи один на другой и не жмутся друг к другу, как в некоторых других местах.

А тогда на весь квартал было тринадцать домов. Дом Рут Чандлер, наш, еще пять выше по склону холма на нашей стороне улицы да шесть на противоположной.

В каждой семье, кроме Зорнов, были дети. И каждый малец знал другого мальчика, как знал бы собственного брата. Если нуждался в компании, ты всегда мог найти кого-нибудь у ручья, или в рощице с дикими яблоками, или в чьем-нибудь дворе – обычно в том, где был самый большой пластиковый бассейн в этом году или стояла мишень для стрельбы из лука.

А если ты хотел исчезнуть, это тоже не представляло проблемы. Лес был достаточно густым.

Дети Тупика так мы себя называли.

Тесная компашка приятелей.

У нас были свои правила, свои тайны и секреты. Была своя иерархия, и мы следовали ей без лишних вопросов и рассуждений. Так мы к ней и привыкли.

Но сейчас на районе появились новые лица. Совсем новые, причем в доме Рут.

Странное было ощущение.

Особенно потому, что новым лицом был не кто-нибудь.

И потому, что поселилось это новое лицо именно в этом доме.

Чертовски странное было ощущение, кроме шуток.

* * *

Ральфи сидел на корточках у камней в саду. Было от силы восемь утра, а он уже весь перепачкался. Полосы пота и грязи разукрасили все его лицо, руки и ноги, словно он бегал все утро, то и дело падая лицом вниз, поднимая тучи пыли: *чмак!* Зная Ральфи, я предположил, что так оно и есть. Ральфи было десять лет, и я сомневаюсь, что видел его чистым дольше пятнадцати минут за всю жизнь. Шорты и майку тоже покрывала толстая корка грязи.

– Привет, Вуфер.

Кроме Рут, никто не звал его Ральфи. Только Вуфер⁵. Когда он был в настроении, то гудел и ревел громче, чем Мици, бассет-хаунд Робертсонов.

⁵ Woofer – низкочастотный (басовый) громкоговоритель.

– Привет, Дэйв.

Он переворачивал камни, наблюдая, как колорадские жуки и сороконожки удирают от света. Но я видел, что вовсе не они его интересуют. Он переворачивал камень за камнем. Переворачивал, а потом бросал на место. Рядом стояла жестяная банка из-под бобов. Он передвигал и ее, ставя у своих покрытых коростой колен, двигаясь от камня к камню.

– Что в банке?

– Черви. Выползки, – сказал он, по-прежнему не глядя на меня. Он был сконцентрирован, хмур и передвигался в своей классической дерганой манере. Словно ученый в лаборатории на пороге невероятного открытия, заинтересованный лишь в том, чтобы праздные зевачи отвалили от него к чертовой матери и дали закончить работу.

Он перевернул очередной камень.

– Донни здесь?

– Ага. – Он кивнул.

Это значило, что Донни в доме. И, поскольку я слегка робел и не спешил идти в дом, то немножко постоял рядом с Вуфером. Он перевернул здоровенный булыжник. И, похоже, нашел то, за чем охотился.

Красные муравьи. Целый рой – сотни, тысячи, обезумевшие от внезапно хлынувшего света.

Никогда не любил муравьев. Обычно мы выливали на них кастрюли кипятка, *прямо на них*, где бы им ни взбрело в голову карабкаться на наше крыльцо – а они проделывали это каждое лето. Идея насчет кипятка принадлежала моему отцу, но я полностью ее одобрял. Я считал, что кипяток – это именно то, что красные муравьи заслуживали.

Я чувствовал их йодистый запах, смешивавшийся с запахом сырой земли и свежескошенной травы.

Вуфер откатил булыжник в сторону и потянулся за жестяной банкой. Выудил из нее червяка, потом еще одного и бросил их муравьям. Он бросал их с высоты трех футов, словно бомбил муравьев мясом червей.

Муравьи среагировали моментально. Черви начали дергаться и извиваться, а муравьи впивались в их нежную розовую плоть.

– Ты больной, Вуфер, – сказал я. – Seriously.

– Я еще и черных муравьев нашел, вон там, – сообщил он, указав рукой на камень по другую сторону крыльца. – Знаешь, большие такие. Вот наберу их и брошу этим ребятишкам здесь. Устрою муравьиную войну. Поспорим, кто победит?

– Красные победят, – сказал я. – Красные всегда побеждают.

Это точно. Красные муравьи – свирепые бойцы. И эта игра для меня была не в новинку.

– У меня другая идея, – сказал я. – Давай ты сунешь к ним руку? Ну вроде ты Сын Кинг-Конга.

Он посмотрел на меня. Видно было, что он обдумывает эту идею. И потом улыбнулся.

– Не-а, – сказал он. – Я что, debil, что ли?

Я выпрямился. Червяки все еще корчились.

– Пока, Вуфер, – сказал я.

Поднялся по ступенькам на крыльцо, постучал в сетчатую дверь и прошел в дом.

Донни полулежал на диване. Голый, за исключением пары мятых белых трусов. Всего на три месяца старше меня, но в груди и плечах значительно шире, к тому же у него отрастало приличное брюшко. Похоже, он пошел по стопам своего брата, Вилли-младшего. Зрелище было не слишком приятное, и я подумал, где сейчас Мег.

Он посмотрел на меня поверх выпуска «Пластик-Мэна». Лично я практически завязал с комиксами с тех пор, как в пятьдесят четвертом их стали цензурировать и «Паутину тайн» уже было не купить.

– Как дела, Дэйв?

Рут только что прогладила белье. Доска стояла в углу, а в комнате повис резкий мускусный запах чистой горячей ткани.

Я осмотрелся.

– Нормально. А где остальные?

Он пожал плечами:

– Пошли в магазин, за покупками.

– *Вилли* пошел за покупками? Да ты шутишь!

Он отложил комикс и встал, улыбаясь и почесывая под мышкой.

– Не. Вилли к девяти часам надо быть у зубного. У него дупло в зубе. Ржака, нет?

Донни и Вилли-младший появились на свет с разницей в полтора часа, но почему-то у Вилли, в отличие от Донни, вечно болели зубы. Так что он постоянно таскался к дантисту.

Мы посмеялись.

– Я слышал, ты с ней уже познакомился?

– С кем?

Донни окинул меня взглядом. Похоже, номер не прошел.

– Ааа, с твоей кузиной? Ну да. Вчера, возле Камня. Она поймала рака с первой попытки.

Донни кивнул.

– Она ничего, – сказал он.

Не супер-пупер похвала, но для Донни – особенно если Донни говорил о *девчонке* – это было знаком серьезного уважения.

– Ладно, – сказал он. – Подожди здесь, пока я оденусь, и пойдем посмотрим, как там Эдди.

Я застонал.

Из всех ребят на Лорел-авеню Эдди был единственным, от кого я старался держаться подальше.

Потому что Эдди был псих.

* * *

Помню, мы как-то играли на улице в бейсбол, раздевшись до пояса, и тут появился Эдди с большим черным полозом в зубах. Дитя природы. Он швырнул змеюку в Вуфера, который тут же завопил от страха. Потом он швырнул полоза в Билли Боркмана. И вот так он снова и снова поднимал змею, и швырял ее в пацанов помладше, и гонялся за ними, размахивая полозом, пока тот не издох. С дохлятиной уже было не интересно.

С Эдди вечно во что-нибудь вляпаешься.

В его представлении развлекаться означало делать что-нибудь опасное или незаконное, а лучше, чтобы и то и другое разом: пройти вдоль поперечной балки строящегося дома или пулять с моста яблоками-дичками в машины, проносящиеся внизу. Если он попадался на горячем – развлекуха. Получал по ушам – тоже весело.

Линда и Бетти Мартин клялись, что видели, как он однажды откусил голову у живой лягушки. Кто бы сомневался.

* * *

Его дом находился на противоположной стороне улицы, наверху. Тони и Лу Морино, жившие с ним по соседству, говорили, что слышали, как отец постоянно задает ему трепку. Практически каждый вечер. Да и матери с сестрой перепадало. Я помню, как его мать, широко-

костная кроткая женщина с большими крестьянскими руками, плакала над чашкой кофе, сидя на кухне с моей мамой. Правый глаз ее заплыл и превратился в сплошной огромный синяк.

Мой папа говорил, что мистер Крокер на трезвую голову был вполне приличный человек, но по пьянке у него крышу сносило. Не знаю, так ли это, однако Эдди унаследовал нрав отца, и ты понятия не имел, когда он отыграется на тебе. Когда это случалось, он мог схватить палку или булыжник, а мог ползть в драку и с голыми руками. У нас у всех были шрамы. Мне перепадало чаще, чем раз-другой. Так что теперь я старался держаться от него подальше.

Но Донни и Вилли он нравился. С Эдди было не скучно, этого у него не отнимешь. Но даже они знали, что Эдди псих.

Рядом с ним они тоже словно с катушек съезжали.

– Сделаем так, – сказал я. – Я тебя провожу. Но сам торчать там не буду.

– Да ладно тебе.

– У меня дела.

– Какие дела?

– Просто дела.

– И что ты собираешься делать? Топать домой и слушать мамочкины пластинки Перри Комо?

Я исподлобья посмотрел на него. Донни знал, что перегнул палку.

Мы все были фанатами Элвиса.

Он рассмеялся.

– Как знаешь, дружище. Тогда погодь с минутку. Я быстро вернусь.

Из гостиной он направился в свою спальню, и я задумался, как они все размещаются теперь, когда с ними поселились Мег и Сьюзан, в смысле, кто где спит. Я прошел к дивану и взял выпуск «Пластик-Мэна». Полистал немного и бросил. Потом прошел через гостиную в столовую, где на столе лежало свернутое постиранное белье, и наконец нырнул на кухню. Я открыл холодильник. Как обычно, еды там было человек на шестьдесят.

Я крикнул Донни:

– Ничего, если я колу возьму?

– Конечно. И открой бутылочку для меня, лады?

Я взял две колы, потянул на себя правый ящик кухонного шкафа и достал открывалку. Столовые приборы в ящике были начищены и аккуратно уложены. Мне казалось странным, что у Рут всегда полным-полно еды, но приборов – только на пять человек: пять чайных ложечек, пять вилок, пять столовых ножей, пять ножей для стейка и ни одной ложки для супа. Конечно, кроме нас, у Рут не бывало других гостей, но сейчас-то в доме жили шестеро. Я подумал: может, она в конце концов сдастся и прикупит пару приборов.

Я открыл бутылки. Донни спустился вниз, и я вручил ему колу. Он был в джинсах, кедах и майке. Майка плотно обтягивала его пузо. Я похлопал его по животу.

– Следи за собой, Дональд, – сказал я.

– Ты за собой последи, гомик.

– А, значит, я гомик, так?

– Дебил ты, вот ты кто.

– Я дебил? А ты шлюшка.

– Шлюшка? Шлюшками бывают только девчонки. Девки и гомики – шлюшки. И ты шлюшка. А я титулованный боец. – Он подкрепил это заявление легким ударом в плечо, я ответил тем же, и мы слегка побоксировали.

Мы с Донни были близки настолько, насколько это было возможно в нашем возрасте.

Через заднюю дверь мы вышли во двор, потом по подъездной дорожке к выезду из двора и направились к Эдди. Игнорировать тротуар было делом чести. Мы шли посередине дороги. Шли и потягивали колу. Движения на нашей улице все равно никогда не было.

– Твой брат мучает червяков в саду, – сообщил я.

Он, обернувшись, посмотрел на меня:

– Славный мальчонка, верно?

– Ну и как тебе это нравится? – спросил я.

– Нравится *что*?

– Что у вас теперь живут Мег и ее сестра?

Он пожал плечами:

– Не знаю. Они же только приехали. – Он глотнул колы, отрыгнул и улыбнулся: – Но эта Мег симпатичная, верно? О черт! Моя кузина!

Я оставил это без комментариев, хотя был полностью с ним согласен.

– Но троюродная, ты понял? А это большая разница. По части крови и всякого прочего. Не знаю. Раньше мы их никогда не видели.

– Никогда?

– Мама говорит: один раз виделись. Но я был слишком мал, чтобы запомнить.

– А как ее сестра?

– Сьюзан? Да никак. Она еще ребенок совсем. Сколько ей там, одиннадцать или вроде того?

– Вуферу только десять.

– Ну да, верно. И что такое Вуфер?

Спорить не приходилось.

– Ее круто покалечило в той аварии.

– Сьюзан?

Он кивнул и показал на мой живот:

– Да. Переломала все отсюда до самого низа, мама рассказывала. Все кости до единой. Бедра, лодыжки – все.

– О господи.

– Она до сих пор еле ковыляет. Вся в гипсе. И на ней эти – как они называются? – металлические штуковины, трубки, их привязывают к рукам, и ты на них опираешься. Их носят, когда у тебя полиомиелит. Забыл, как называются. Ну вроде костылей.

– О господи. Так она сможет снова ходить?

– Она ходит.

– Я имею в виду, нормально?

– Не знаю.

Мы допили колу и почти добрались до самой вершины холма. Мне пора было оставить Донни и исчезнуть. Либо это, либо мучиться с Эдди.

– Они оба погибли, – сказал Донни.

Ни с того ни с сего.

Я, конечно, понял, о ком речь, но на какое-то мгновение просто не мог этого осознать. Вот так сразу – не мог. Слишком странной была мысль.

Родители ведь не умирают. Только не на моей улице. И уж конечно, не в автомобильных авариях. Такие вещи случаются где-то далеко, в местах более опасных, чем Лорел-авеню. Они происходят в кино или книжках. О них слышишь в новостях Уолтера Кронкайта.

Лорел-авеню никуда не вела. Тупик. Все ходили как хотели – прямо посередине дороги.

Я знал, что он не врет. Я вспомнил, как Мег не хотела говорить об этой катастрофе или о шрамах, а я настаивал.

Я знал, что он не врет, но справиться с этой мыслью было тяжело. Мы продолжали идти вместе, я молчал, глядя на него, но на самом деле его не видел.

Я видел Мег. Это был очень необычный момент.

Я знал, что Мег приобрела для меня особое очарование.

Внезапно дело оказалось не в том, что она была красивой, или умной, или способной грациозно перебраться через ручей – она была почти нереальной. Как никто из тех, кого я встречал в жизни, а не в книгах или в кино. Словно она была фантазией, какой-то необычной героиней.

Я представил ее там, на Камне – и теперь я видел по-настоящему смелого человека, лежавшего рядом со мной. Я видел ужас. Стрдание, выживание, катастрофу.

Я видел трагедию.

* * *

И все это в одно мгновение.

Должно быть, я разинул рот. И Донни, наверное, подумал, что я не понял, о *ком* он говорил.

– Родители Мег, болван. Оба. Мама сказала, что они, должно быть, погибли мгновенно. Что они даже не поняли, что в них врезалось. – Он фыркнул: – А врезался в них «Крайслер».

Может быть, именно его откровенный цинизм привел меня в чувство.

– Я видел шрам на ее руке, – сказал я.

– Да, я тоже его видел. Классно, скажи? А видел бы ты Сьюзан! Шрамы *по всему* телу. Отвратно. Мама говорит, что ей повезло, что вообще в живых осталась.

– Наверное, да.

– В общем, так они к нам и попали. У них ведь больше никого нет. Либо к нам, либо в какой-нибудь сиротский приют. – Он улыбнулся: – Повезло им, да?

И потом он произнес фразу, смысл которой дошел до меня позже. В тот момент я подумал, что так оно и есть, но почему-то фраза эта врезалась мне в память. Я ее крепко запомнил.

Он произнес ее, когда мы подходили к дому Эдди.

* * *

Я вижу себя, стоящего посередине дороги и уже готового развернуться и уйти по склону холма. Куда-нибудь, где я мог побыть один, не желая встречаться с Эдди. Во всяком случае, не сегодня.

Я вижу Донни, бросающего слова через плечо, шагая через газон к крыльцу. Небрежно, но с какой-то странной искренностью, словно это была святая истина.

– Мама говорит, что повезло Мег, – сказал он. – *Мама говорит, что это она легко отде-
лалась.*

Глава четвертая

Прошло полторы недели, прежде чем я с ней увиделся, не считая мимолетных моментов, когда она либо выносила мусор, либо пропалывала сорняки в саду. Теперь, когда я знал все об аварии, для меня было еще тяжелее подойти к ней. Не из-за жалости, ее я не чувствовал. Я репетировал слова, которые мог бы ей сказать. Но все выходило не так. Да и что ты скажешь человеку, только что потерявшему половину семьи? Это стояло между нами как скала, которую я... ну... не знал, как ее преодолеть. Поэтому я и избегал Мег.

Потом вся наша семья отправилась в обязательную ежегодную поездку в округ Сассекс, в гости к сестре отца, так что целых четыре дня мне не приходилось думать об этом. Почти облегчение. Я говорю «почти», потому что родителям оставалось меньше двух лет до развода, и поездка была ужасной: три дня напряженного молчания в машине по пути туда и обратно и переизбыток нарочито дешевого веселья, что должно было порадовать тетю и дядю, однако не радовало нисколько. Было видно, как тетя с дядей смотрели друг на друга с таким выражением, словно хотели сказать: «Господи, заведи этих людей отсюда».

Они знали. Все знали. Мои родители в те дни не смогли бы спрятать монетку от слепого.

Но как только мы вернулись домой, я снова начал задумываться о Мег. Не знаю, почему мне ни разу не пришло в голову, что надо просто забыть обо всем, что она может не хотеть, чтобы ей постоянно напоминали о смерти родителей, и не хотеть этого гораздо сильнее, чем мне *хотелось* о том говорить. Но вот не дошло. Я был уверен, что нужно сказать *что-то*, но слова никак не складывались. Для меня важно было не выглядеть идиотом в глазах Мег. Точка.

Думал я и о Сьюзан. Прошло уже две недели, а я ее ни разу не видел. Это вообще было черт знает что. Как можно жить с кем-то по соседству и ни разу его не увидеть? Я думал о ее ногах и о том, что сказал Донни. Что на ее шрамы было страшно смотреть. И, может быть, она боялась выходить. Это я мог понять. Я и сам проводил все время дома, избегая встреч с ее сестрой.

Но долго это длиться не могло. На дворе была первая неделя июня: время Карнавала Киванис⁶.

Пропустить Карнавал было все равно что пропустить лето.

* * *

На другой стороне улицы, меньше чем в полуквартале от нашего дома, стояло старое школьное здание – не более шести комнат. Называлось оно Центральной школой, и туда мы ходили еще малышами, с первого по пятый класс. Каждый год карнавал проводился на их спортивной площадке. И как только мы подросли настолько, что нам стали разрешать самостоятельно переходить улицу, мы бегали туда и смотрели, как они монтируют аттракционы.

В течение этой недели из-за нашей близости к месту будущего события мы были самыми везучими ребятами в городе.

Киванис занимались и торговыми точками: ларьками с едой, игровыми кабинками, «колесом фортуны». Аттракционами покрупнее заправляла профессиональная разъездная компания, а работали на них карнавалы операторы – «карни». Для нас «карни» были чем-то запредельно экзотичным – сурового вида мужчины и женщины, с «Кэмелом» в зубах, постоянно шутившиеся от дыма, лезшего в глаза, все в татуировках, мозолях и шрамах, пропахшие

⁶ Международная благотворительная организация, основанная в 1915 г. в Детройте. Проводит множество ярмарок с аттракционами, карнавалов, фестивалей и т. д.

смазкой и застарелым потом. Работая, они ругались и потягивали пиво. И, смачно отхаркнув, сплевывали на землю, совсем как мы.

Мы обожали карнавал и обожали «карни». Еще бы. За один только летний день они брались за нашу спортплощадку и превращали пару бейсбольных полей, покрытых асфальтом, и футбольное поле в абсолютно новый город брезентовых шатров и крутящейся стали. Они делали все это настолько быстро, что мы не верили своим глазам. Это была магия, а сами волшебники посверкивали золотыми зубами и гордо демонстрировали татуировки типа «Я люблю Велму» на своих бицепсах. Попробуй устоять перед таким великолепием!

Было раннее утро, и, когда я пришел туда, они все еще разгружали свои прицепы.

В это время с ними нельзя было заговаривать. Они были слишком заняты. Позднее, когда они уже собирали или проверяли свои механизмы, ты мог подать им ключ, а они иногда могли даже угостить тебя глотком пива. Как-никак, местная ребятня – их хлеб-с-маслом. Им надо было, чтобы ты вернулся вечером с друзьями и семьей, поэтому обычно они вели себя с нами дружелюбно. Но сейчас следовало смотреть в оба и не вертеться у них под ногами.

Шерил и Дениз уже были там и стояли, опершись на сетку за основной базой и плясь на «карни» через крупные ее ячейки.

Я встал рядом с ними.

Напряжение прямо-таки висело в воздухе. Да и понятно почему. Было еще утро, а небо уже тревожно потемнело. Однажды, несколько лет назад, дождь лил во время карнавала каждый вечер, за исключением четверга. Когда такое происходит, в убытке оказываются все. И тогда подсобные рабочие и «карни» с мрачными физиономиями работали молча.

Шерил и Дениз жили через улицу друг от друга. Они были подругами, но, я думаю, только из-за того, что Зельда Гилрой в «*Шоу Добби Гиллис*» называла «роднящим соседством». Общего у них было мало. Шерил – высокая тощая брюнетка, которая, пожалуй, через несколько лет станет вполне симпатичной, но сейчас это была костлявая дылда выше меня, хоть и младше на два года. У нее было два брата – Кенни и Малькольм. Малькольм был еще малышом, он иногда играл с Вуфером. Кенни был примерно моего возраста, но в школе учился классом младше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.